

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

2 204

Ю. М. МАРЦИНКЯВИЧЮСУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по литовской литературе направили Юстинусу Мотевичу Марцинкявичюсу в связи с 50-летием со дня рождения приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Трудно переоценить тот огромный вклад, который внесли Вы в литературу более чем за четверть века самоотверженного служения ей. Вечно Ваше слово во многих ее областях и жанрах: в лирике и эпической поэзии, в прозе, драматургии и художественном переводе. Своим творчеством Вы ощутили раздвигаете рамки и обогащаете возможности метода социалистического реализма.

В 1955 году символически названным сборником стихов «Прошу слова» громко заявили о себе молодой литовский поэт — представитель первого послевоенного поколения богатого поэтами и поэтическими традициями народа. От той юношеской книжечки и до увидевшей недавно свет книги стихов «Нежное прикосновение жизни» все значительнее и увереннее звучит голос самобытного лирика, создающего поэтическую летопись нашей эпохи, летопись возмужания и духовного становления советского человека.

Широкими философскими обобщениями, глубоким проникновением в сущность истории и духовный мир человека отличаются Ваши поэмы «Двадцатая весна», «Кровь и пепел», «Донедайтис», «Стена», опубликованная в минувшем году поэма «Древо познания», посвященная 400-летию Вильнюсского университета.

На сцене многих театров страны идут Ваши драматические поэмы «Миндаугас», «Мажвидас», «Собор», составившие монументальную историко-драматическую трилогию. Судьба литовского народа, его государственности, письменности, культуры в сопряжении с общечеловеческими проблемами и озабоченностью судьбами гуманизма и культуры — таково глубочайшее содержание этой эпопеи.

Всего один раз обратились Вы, поэт, к прозе, и Ваша повесть «Сосна, которая смеялась» положила начало целому направлению в литовской

советской прозе. Нельзя не сказать здесь и о Ваших поэтических книгах, обращенных к детям, — столько в них веселого юмора, мудрости, тепла и любви к маленьким читателям.

Далеко за пределами Литвы звучит ныне Ваше вдохновенное слово, переведенное на десятки языков нашей большой Родины и зарубежных стран. А в Ваших мастерских переводах пришли к литовскому читателю эстонский «Калевипоэг» и карело-финская «Калевала», произведения Пушкина, Лермонтова, Есенина, Миккевича и других нордифев мировой поэзии».

Поэзия, если она подлинная, живая, стирает национальные границы, проводя в каждом читателе прежде всего человека. Так бывает лишь тогда, когда стих укоренен в родной почве. Чем глубже корни, тем щедрей побеги, тем дальше раскидываются ветви поэтического дерева, касаясь и твоей души, обогащая ее новым эмоциональным опытом, новым духовным содержанием. Что же такое «братство», как не это чувство: быть литовцем, русским, молдаванином, грузином и одновременно быть равным всему тому в мире, что отвечает твоим заветным представлениям о смысле жизни, о судьбе человека.

Юстинас Марцинкявичюс открыл мне Литву, и этот его щедрый дар всегда со мной.

Мощная, органной силы поэзия распахнула небосвод народной национальной мечты, перевоплотила трагические эпизоды литовской истории в эпический собор искусства. Его драматические поэмы — крупное общесоветское явление литературы, далеко выходящее за границы отечественной поэзии.

Но Юстинас и лирик изумительный. Масштаб поэм Марцинкявичюса не должен заслонять от нас живой прелесть и чувства его романтически окрашенных стихотворений. В них гнездится начало эпосы, однако и сами по себе они не только этюды, но и законченные поэтические содания:

Неожиданно всплыло слово
и слезинкой застряло
в горле.

Оплачем себя, оплачем...
Вот камень.
На нем огонь.

А выше —
кормур и голубь.
Они вечны —
огонь и птицы.
Только камень лезчен —
бронзой

и железом он был заменен.
Были воды еще безмянны.
Были реки еще ручейками.
И с утками играли дети,
и пахли они молоком.

А мужины
валили деревья,
а потом размышляли
трудно
обо всем, что видели
за день,
причины ища и суть,

...Все, что было
в кургане отрыто,
под стекло положили
в музей —

похороненных как бы
вторично,
я вторично оплакал их.

Вторичное оплакивание и есть воскрешение, когда кисть берет настоящего художник.

Вот он встает мне навстречу, коренастый, плотный, с большими руками потомственного крестьянина. Он терпеть не может юбилейного пышноречия, литературных парадов и ритуальных заседаний. Что же делать, Юстинас, пятьдесят твоих лет — все-таки дата. А потом, ты ведь точно знаешь, что эти слова идут от чистого сердца.

Евгений СИДОРОВ

«Литературная газета» присоединяется к вам теплым поздравлениям.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА

4 2 MAR 1980